

Владимир Смирнов

СМЫСЛ, РАСКАЛЕННЫЙ ДОБЕЛА

«Дело поэта — создать «кусочек вечности» ценой гибели всего временного — в том числе, нередко, и ценой собственной гибели». Это написано Георгием Ивановым в Париже в 1931 году. Через десятилетие после «потери всего дорогого», в предчувствии лет страшных:

Туманные проходят годы,
И попережку дышим мы
То затхлым воздухом свободы,
То вольным холодом тюрьмы.

Участь изгнанника всегда тяжка, изгнанника-поэта — вдвойне, русского поэта, заброшенного в «глухую европейскую дыру», — гибельна и спасительна одновременно — «...читателей у нас нет, Родины нет, влиять мы ни на что не можем и... в то же время самый простодушный из нас — «блажен». О том, что произойдет в далеком будущем, когда он «вернется в Россию стихами», Иванов знал давно — «даже страшно подумать, под какой ослепительный прожектор истории попадем когда-нибудь все мы...» И в этом ослепительном свете слово поэта стало дорого и насущно людям его страны — «вечной, непреходящей, несчастной, великой Родины».

За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.

В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней
По снегу русскому, домой.

Когда появился первый эмигрантский сборник Иванова «Розы» (1931), современники были изумлены «обращением» поэта, таинственным преображением изысканного стихотворца в большого художника. До той поры, и не без оснований, казалось, что судьба Жоржа predetermined, что он, разумеется, еще поживет, напишет в духе «роскошной античной томности» (В. Набоков) и упражнений «по росписи фарфора» (М. Кузмин), и все это будет замечательно. Но в новых стихах явился никому не ведомый поэт — суровый, строгий, малословный, с удивительным морализмом отчаянья и пониманием того, «что выше пониманья». Изумление порождало вопросы: откуда? почему? как?

И тогда, и теперь вряд ли возможно найти на них ответы. «Поэзия... прежде всего чудесна, волшебна, происхождение ее таинственно, необъяснимо ни для самого поэта, ни для тех, для кого она чем-то стала», — писал Иванов. Да и стоит ли искать объяснения, если «кусочек вечности» создан —

И полную грудью поется,
Когда уже не о чем петь.

«Ценой гибели всего временного... ценой собственной гибели...» Еще в России прозвучали два голо-

са, предвещающие эту «гибель» как единственную возможность для Иванова *быть поэтом*. «Он станет поэтом, «только если случится с ним какая-нибудь большая житейская катастрофа, добрая встряска, вроде большого и настоящего горя», — заметил Владислав Ходасевич (1916). Чисто человечески желать подобное не очень хорошо. Но в случае с Ивановым «горе» оказалось необходимым условием обретения голоса:

Я не стал ни лучше и ни хуже,
Под ногами тот же прах земной,
Только расстоянье стало уже
Между вечной музыкой и мной.

Жду, когда исчезнет расстоянье,
Жду, когда исчезнут все слова
И душа провалится в сиянье
Катастрофы или торжества.

В 1919 году, в рецензии для одного из петроградских издательств на книгу Иванова «Горница» (вероятно, поэт подготовил под этим названием новый сборник, но он не вышел), Александр Блок писал: «Когда я принимаюсь за чтение стихов Г. Иванова, я неизменно встречаюсь с хорошими, почти безукоризненными по форме стихами, с умом и вкусом, с тактом: никакой пошлости, ничего вульгарного. <...> Он спрятался сам от себя, а хуже всего было лишь то, что, мне кажется, не сам спрятался, а его куда-то спрятала жизнь, и сам он не знает куда <...> ...книжка Г. Иванова есть памятник нашей страшной эпохи, притом — один из самых ярких, потому что автор — один из самых талантливых среди молодых стихотворцев. Это — книга человека, зарезанного цивили-

зацией, зарезанного без крови, что ужаснее для меня всех кровавых зрелищ этого века; — проявление злобы, действительно нечеловеческой, с которой никто ничего не поделает, которая нам — возмездие». Прávота, скорее, пророчество Блока не только об Иванове, но о значительно большем, важнейшем — подтверждена временем, если время еще не упразднено человечеством. Перед смертью Георгий Иванов надеялся, в смирении, на это —

Если б время остановить,
Чтобы день увеличился вдвое,
Перед смертью благословить
Всех живущих и все живое.

И у тех, кто обидел меня,
Попросить смиренно прощенья,
Чтобы вспыхнуло пламя огня
Милосердия и очищенья.

И это написал тот, чью поэзию знаменитый философ Георгий Федотов называл «демонической». Свобода «отказа», аскетическая искренность, мужество «последних» признаний — все очищено в замысле, в истоке.

Творю из пустоты ненужные шедевры...

Строка эта — из злой эпиграммы, но в ней случайно сказано все о поздней лирике Иванова. Действительно «шедевры», действительно «из пустоты» (в метафизическом и собственно поэтически-словесном смысле), действительно — «ненужные» (вообще и никому). В последние годы жизни «ненужность» была очевидной для поэта —

Вас осуждать бы стал с какой же стати я
За то, что мне не повезло?
Уже давно пора забыть понятия:
Добро и зло.

Меня вы не спасли. По-своему вы правы.
— Какой-то там поэт...
Ведь до поэзии, до вечной русской славы
Вам дела нет.

Неужность (десятилетиями) на родине, что вполне понятно... Неужность в эмиграции?.. Некрологическая заметка в парижском журнале «Возрождение» (без подписи, октябрь 1958-го) так объясняла последнее обстоятельство: «Друзья, настоящие, преданные, всё ему прощавшие — и скверный характер, и беспощадную остроту эпиграмм, и маску циника, которой поэт прикрывал свою беспомощность и незащитность, — у него, конечно, были. Но друзья почти такие же нищие, как и он сам, и без связей на эмигрантских верхах. А там, на этих верхах, вероятно, принимали на свой счет такие стихи:

Я за войну, за интервенцию,
Я за царя, хоть мертвеца.
Российскую интеллигенцию
Я презираю до конца...

В наши дни все-таки сбывается одна из надежд Георгия Иванова на будущее, хотя в приходе его он и сомневался: «Только будет ли... будущее вообще?» (1955). Надежда трогательная: «А будет, может быть, просто: рухнут большевики, и — и первое, что сделают русские люди, — это улыбнутся друг другу, вот так, от души. Потом, разумеется, начнутся распри»

(1933). И если еще не домыкались русские люди до взаимной улыбки, то поэта, создавшего, скажем, такое —

Мертвый проснется в могиле,
Черная давит доска.
Что это? Что это? — Или
И воскресенье — тоска?

.....
И над соломой избенок,
Сквозь косогоры и лес,
Жалобно плачет ребенок,
Тот, что сегодня воскрес.

Или такое —

Замело тебя, счастье, снегами,
Унесло на столетья назад,
Затоптало тебя сапогами
Отступающих в вечность солдат.

Или это —

Калитка закрылась со скрипом,
Осталась в пространстве заря,
И к благоухающим липам
Приблизился свет фонаря.

Да и еще кое-что... Поэта, который, к удивлению многих специалистов по справедливому устройению вечности, всегда знал, что «кроме легкомысленно-беззаботного Петербурга, богемы, вернисажей, стихов, балетов, ужинов в «Вене» — существует еще Россия...», — прочли и полюбили, прочтут и полюбят.

Биография поэта известна мало. Иванов не оставил каких-либо записок о своем «жизненном пути». Архива писателя практически тоже не существует.

Наиболее полно, хотя и вольно по отношению к фактам, рассказала о жизни Георгия Иванова в своих воспоминаниях «На берегах Сены» Ирина Одоевцева, почему-то нарекая поэта «баловнем судьбы». В 1953 году в письме Роману Гулю Иванов отрекомендовался «сычом по природе» и назвал свою жизнь «странной». Но точней и жестче в стихах —

Жизнь бессмысленную прожил
На ветру и на юру.

Земное пребывание «на ветру и на юру» сложилось так.

Георгий Владимирович Ива́нов родился 29 октября (ст. стиль) 1894 года в живописном имении (воспетом Адамом Мицкевичем) Студенки под Ковно (Каунас), в потомственной военной семье. Отец служил в артиллерии и в чине подполковника вышел в отставку. Мать — баронесса В. Бир-Брац-Брауер ван Бренштейн. Ее предки происходили из Голландии. Быт и нравы семьи — стародворянские, барские: «Жили шумно и весело, с постоянными выездами, пикниками, фейерверками и домашними концертами» («На берегах Сены»). В письме (1957) американскому литературоведу и поэту Владимиру Маркову Иванов так объяснял мотивы своей ранней лирики: «И Ватто, и Шотландия у меня из отцовского (вернее, пра-дедовского) дома. Я родился и играл ребенком на ковре, где портрет моей прабабушки — «голубой» Левицкий висел между двух саженных ваз импер. фарфора, расписанного мотивами из «Отплытья на о. Цитеру...» В общем — идиллия. По семейной традиции его отправили учиться «по военной

линии», во 2-й кадетский корпус в Петербург. В это же время драматически прервалось благополучие семьи: сгорело имение, и родители с детьми перебрались в столицу. В стенах корпуса, в 5-м классе, Иванов уже печатал стихи, что вызвало недовольство начальства. А за чтение романа М. Арцыбашева «Санин» юный поэт был дисциплинарно наказан. В 1911 году Иванов стал обильно печататься в различных изданиях. Он познакомился с Блоком, другими видными писателями, художниками и сблизился с эгофутуристами. Даже подписал их манифест. В издательстве «Его» вышла его первая книга «Отплыть на о. Цитеру» (1912).

1913 год стал неким рубежом в жизни поэта. Он бросил корпус, расстался с эгофутуристами и стал деятельным участником акмеистического «Цеха поэтов», куда его пригласил сам Гумилев. В стихах и статьях он следует принципам этой школы, следует ревностно и энергично. Он дружески сходится с Гумилевым, Ахматовой, Мандельштамом, Нарбутом, Адамовичем (все они посвятили Иванову стихи). В последние предреволюционные годы он неприменный и весьма заметный (не без курьезности) персонаж богемной жизни литературно-художественного Петербурга. С маской демонстративного дендизма. Одним словом — самый настоящий Жорж. Женитьба на французенке быстро закончилась разводом (от этого брака у Иванова была дочь, но о судьбе ее, кроме того, что в 20-е годы она жила во Франции, ничего не известно).

Стихи, статьи, рассказы Иванова печатаются на

страницах «Аполлона», «Гиперборея», «Лукоморья» и во множестве других журналов и газет. В эту пору выходят и его новые стихотворные сборники: «Горница» (1914), «Памятник славы» (1915), «Вереск» (1916). При всей разноголосице критических отзывов, об Иванове пишут и говорят как об одном из самых талантливых молодых поэтов. В 1916—1917 годах, после ухода Гумилева на фронт, Иванов вместе с Адамовичем возглавляет второй «Цех поэтов» — бледную копию первого.

После Октябрьской революции (ее поэт считал национальной катастрофой и держался этих убеждений до конца дней) Иванов литературно очень активен, общественно-политически — брезглив. Он сотрудничает в различных изданиях, как переводчик в издательстве «Всемирная литература», является секретарем Союза поэтов. Его новые сборники «Сады» (1921) и «Лампада» (1922) были приняты литературной общественностью «кисло», тому способствовала демонстративная удаленность поэта от времени. На фоне того, что тогда происходило в России, в отечественной литературе, искусстве, стихи Иванова представлялись изысканной анахронической безделницей талантливого, но ограниченного художника. Некая правда в этом была. И все же поэзия Иванова начала 20-х годов переживала взлет, была оригинальной и тонкой. Уже в эмигрантские годы Георгий Адамович, вспоминая стихи «Садов» и «Лампады», писал: «Мне, да и не только мне одному, тогда казалось, что Иванов в расцвете сил дотянулся до лучшего, что ему суждено написать, и хотя формально это

не было верно, я и сейчас вспоминаю его тогдашние стихи, широкие, легкие, сладкие без всякой приторности, нежные без сентиментальности, как одно из украшений новой русской поэзии».

Осенью 1921-го Георгий Иванов женился на Ирине Одоевцевой. Прожили они вместе 37 лет. Осенью 1922 года Иванов навсегда покидает Россию —

Я, что когда-то с Россией простился,
(Ночью, навстречу полярной заре)
Не оглянулся, не перекрестился
И не заметил, как вдруг очутился
В этой глухой европейской дыре.

Хоть поскучать бы... Но я не скучаю.
Жизнь потерял, а покой берегу.

Думали они (Иванов и Одоевцева), что уезжали на какое-то время... Год пробыли в Берлине, где вышли вторым изданием «Сады» и «Вереск», и осели во Франции.

Там, не в пример судьбе большинства эмигрантов, жилось супругам легко. «Жили мы вполне комфортно на ежемесячную пенсию моего отца, сохранившего в Риге доходный дом. А когда отец в сентябре 1932 года умер, мы получили большое наследство и зажили почти богато — в роскошном районе Парижа, рядом с Булонским лесом. И замечательно обставились стильной мебелью. Даже завели лакея», — вспоминала Одоевцева. Купили они и виллу на море, в Биаррице. При таком благополучии — какие стихи вдруг родились! Загадка, тайна...

В эмиграции Иванов печатается в лучших русских журналах и газетах Парижа, Риги (стихи, мему-

арные очерки, критические статьи, главы романа «Третий Рим»). Выходят книга беллетризованных воспоминаний «Петербургские зимы» (1928), сборники стихов «Розы» (1931) и «Отплытие на остров Цитеру» (1937), прозаическое сочинение «Распад атома» (1938), перевод (совместно с Г. Адамовичем) поэмы «Анабазис» французского поэта С.-Ж. Перса (1926).

В эти годы Иванов становится одной из самых заметных, ярких и чрезмерно неуживчивых фигур русского литературного зарубежья. Иванова мало занимало, что о нем думают и пишут: «Я совершенно равнодушен к мнению «сволочи», будь то восторги или ругань». Остроумный, ядовито-проницательный, капризно-субъективный, «Жорж опасный», как назвал его один современник, доставлял много неудобств литературной братии и плодил долголетних недругов. Так, например, произошло с Ходасевичем и Набоковым. Иванов председательствует на собраниях «Зеленой лампы», где объединились вокруг Д. Мережковского и З. Гиппиус для философско-эстетических бесед и дискуссий многие писатели. Поэзия и позиция Иванова (как и Адамовича) способствовали творческому самоопределению молодых русских поэтов школы «парижской ноты». Дружеские отношения сложились у поэта с писателями старшего поколения — Буниным, Ремизовым, Алдановым.

Вторая мировая война прервала житейское благополучие Иванова и Одоевцевой. Военные годы они провели в Биаррице. К середине 40-х годов они — нищие, бесприютные люди.

Начались странствия по дешевым отелям Парижа и домам для престарелых. Жить было не на что, печататься — негде. Лишь парижский журнал «Возрождение» и нью-йоркский «Новый журнал» охотно публикуют Иванова, платя гроши. Вторым изданием вышли «Петербургские зимы» (1952). А в 1950-м появилась одна из лучших поэтических книг XX века — сборник «Портрет без сходства».

Иванов никогда не делал «профессии» из любви к родине. «Терпеть не могу ничего твердокаменного и принципиального по отношению к России». Был последователен в своих политических убеждениях, умеренно-консервативных и бескомпромиссных по отношению к большевизму и советской власти. Даже эйфория нашей победы, захлестнувшая русскую эмиграцию, толкнувшая «влево» многих видных ее представителей, не затронула поэта. Уступок «советам» он не прощал даже ближайшим друзьям, как это произошло у него, к примеру, с Адамовичем.

В 1953 году Иванов и Одоевцева покинули Париж. «Нас устроили в старческом доме в Иере-ле-Пальме на юге Франции. Это был очаровательный городок. <...> Мы могли наконец вздохнуть свободно», — вспоминала жена поэта (для него самого этот «городок» — «пальмовая дыра»). Но «вздохнуть свободно» Иванову уже не пришлось. Нищета заставляла этого гордого человека обращаться к знакомым с просьбами о помощи: одеждой, продуктами, деньгами. Благодаря за посылку, присланную из Америки Романом Гулем, Иванов писал: «Польщены, особен-

но всякому бараклу американского пошиба...» Такое говорит о многом.

Душевное состояние, нужда, одиночество, климат привели еще не старого человека к тяжелой болезни. Но стихи рождались до последнего дня:

В зеркале сутулый, тощий,
Складки у бессонных глаз.
Это всё гораздо проще,
Будничнее во сто раз.

Будничнее и беднее —
Зноем опаленный сад,
Дно зеркальное. На дне. И
Никаких путей назад:

Я уже спустился в ад.

26 августа 1958 года «Принц без короны» (так была названа одна из немногих некрологических статей) умер.

Вот только не на родном погосте лежат останки поэта.

В год его смерти на отечественном дворе стояла слякотная оттепель. «Веселые ребята» советской словесности продолжали мастерить полицейские стихи, даже не вспоминая о существовании других — лицейских, с которыми первородно связаны достоинство, честь и величие нашей поэзии. Давнее, сумеречное вопрошание Баратынского:

Когда твой голос, о Поэт,
Смерть в высших звуках остановит...
.....
Кто в отзыв гибели твоей
Стесненной грудью восстонет?

неотвратимо приводило к одному ответу: «Никто!» Действительно, что до того, если где-то какой-то Иванов помер. Ведь в царстве диктатуры без пролетариата много поэтов «хороших и разных», но единственным — места нет. Верно, до поры до времени. И те, кому дано было знать, знали, что времена эти не за горами: «...если когда-нибудь стихи Георгия Иванова дойдут в советскую Россию, как будут они там восприняты? Нет сомнения, что возбудят они страстный и длительный интерес, тревожно-напряженное внимание, сколько бы критики ни бились над разъяснением их «упадочного» характера. <...> В России сейчас массовое производство «дубовых ребят» стало идеалом и объектом всех государственных усилий, но едва ли, едва ли цель эта окажется полностью достигнутой. Будем надеяться, во всяком случае, что в нашей России, где должны же все-таки остаться «русские мальчики» карамазовской склади, <...> ивановские стихи заставят этих «мальчиков» восторгнуться: так вот куда может уйти поэзия, вот что может произойти в душе человека...» (Г. Адамович).

Сегодняшняя Россия почитает Георгия Иванова как одного из крупнейших лириков столетия, хотя и остается некоторая загадочность. Все лучшее в стихах Иванова «сделано» из того, из чего поэзия не «делается»: словарь из нескольких сот самых употребительных слов, крайне однообразные ритм и интонации, жалкие рифмы, почти полное отсутствие образности и ассоциативного метафоризма, содержательная и формальная банальщина...

Путь Иванова, единственный в своем роде путь

духовно-художественной аскезы, не нищеты, а отказа от земного богатства во имя «неземного сиянья».

В письме Роману Гулю (март 1955 г.) поэт в шутивно-грубоватой форме точно определил суть, «нерв» своей поздней манеры: «Видите ли, «музыка» становится все более и более невозможной. Я ли ею не пользовался, и подчас хорошо. <...> Для меня — по инстинкту — наступил период такой вот. Получается как когда — то средне, то получше. Если долбить в этом направлении — можно додолбиться до вспышки». Стихотворения Иванова 30—50-х годов и строит поэтика «вспышки». Рожденные ею «сиянья» придают «аскетически-банальным» стихам магическую многосмысленность или, по выражению столь ценимого Ивановым Иннокентия Анненского, «многосоставность». И вот пример этому, пример поэтического торжества и победы —

Свистит в сирени соловей,
Ползет по травке муравей —
Кому-то это нужно.

Пожалуй, нужно даже то,
Что я вдыхаю воздух,
Что старое мое пальто
Закатом слева залито,
А справа тонет в звездах.

Портреты не имеют сходства, фотографии лгут, «зеркала взаимно искажают отраженья...» На пересечении «искажающих отражений» и рождается изумительная ивановская «вспышка». Подлинный лирический космизм — пальто, «тонущее в звездах», а не звездная пыль в претенциозных стихотворных «пла-

нетариях». В гротескно-бытовой затрапезности таится острый трагизм — под уютюгом портного больше ада, чем в заведомых «инфернальностях»:

Портной обновочку уютюжит,
Сопит портной, шипит уютюг,
И брюки выглядят не хуже
Любых обыкновенных брюк.

А между тем они из воска,
Из музыки, из лебеды,
На синем белая полоска —
Граница счастья и беды.

Есть у Георгия Адамовича одно мечтание: «Какие должны быть стихи? Чтобы, как аэроплан, тянулись, тянулись по земле и вдруг взлетели... если и не высоко, то со всей тяжестью груза. Чтобы все было понятно, и только в щели смысла врывался пронизывающий трансцендентальный ветерок. Чтобы каждое слово значило то, что значит, а все вместе слегка двоилось. Чтобы входило, как игла, и не видно было раны. Чтобы нечего было добить, некуда было уйти, чтобы «ах!», чтобы «зачем ты меня оставил?», и вообще, чтобы человек как будто пил горький, черный, ледяной напиток, «последний ключ», от которого он уже не оторвется». Поэзия «Божией милостью» всегда несет те или иные свойства, приметы, о которых написал Адамович. Лирика же Георгия Иванова просто совпадает с ними. Это ее «родовые черты».

Чего только не писали об Иванове... Для Романа Гуля он — «единственный экзистенциалист в русской литературе». По Георгию Федотову — «он давно замкнулся в абсолютном отрицании и одиночестве»,

а «зло для него привлекательнее добра — по крайней мере эстетически». Петру Бицилли казалось, что в поэзии Иванова «человек умер и проснулся в царстве теней... и вся прожитая жизнь представляется ему тоже нереальной, небывалой...» Суждения принадлежат людям талантливым и чутким: они знали цену ивановскому дару. Но все-таки сказанное — лишь об одной ипостаси художника, узревшего черноту «мирового уродства» —

Хорошо — что никого,
Хорошо — что ничего,
Так черно и так мертво,

Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

Но поэт видел, знал и другое —

То, что было, и то, чего не было,
То, что ждали мы, то, что не ждем,
Просияло в весеннее небо,
Прошумело коротким дождем.

Это всё. Ничего не случилось.
Жизнь, как прежде, идет не спеша.
И напрасно в сиянье просилась,
В эти четверть минуты душа.

Авторитетный исследователь и издатель произведений Иванова литературовед Вадим Крейд, характеризуя один из российских сборников поэта, обратил внимание на многосмысленность его названия («Лампада»): «Образ лампы важен в поэзии Г. Иванова в том отношении, что вся его поэзия, вместе взя-

тая, может быть определена как роман о внутреннем свете». Точно и верно.

Здесь уместно сказать, что и ранний Иванов — явление в своем роде удивительное. Гениальный лирик родился не «вдруг». Пусть он сам находил в конце жизни, что в его поэзии 10-х — начала 20-х годов «ничего путного» не было и что «одобряли ее в свое время совершенно зря», согласиться с этим невозможно. Да, в те годы он писал пейзажи или людей, «представляя их себе картинами в рамах»:

Моя любовь, она все та же
И не изменит никогда
Вам, старомодные пейзажи,
Деревья, камни и вода.

Жеманничал и кокетничал:

О, если бы застыть в саду пустынном
Фонтаном, деревом иль изваяньем!

Капризно и стильно скользил «вдоль жизни»:

Легки оковы бытия...
Так, не томясь и не скучая,
Всю жизнь свою провел бы я
За Пушкиным и чашкой чая.

Его «акмеизм» вовсе не был, как у Мандельштама, «тоской по мировой культуре». Печальное веселье стилизаций, игровая декоративность, даже хлам «театральной нежности», «меланхолических вечеров», «сладких молитв» и «златых имен» все-таки согреты сердечной смутой, мерцают «внутренним светом»:

Настанут холода,
Осыпятся листы —

И будет льдом — вода,
Любовь моя, а ты?

И белый, белый снег
Покроет гладь ручья,
И мир лишится нег...
А ты, любовь моя?

«Широкая», «легкая» (по Адамовичу) интонация животворит эти стихи.

Простота и органичность лирики Иванова соседствуют с сознательным и довольно устойчивым использованием «чужого». Явная и скрытая цитатность его поэзии отмечена давно. Порой поэта обвиняли чуть ли не в плагиате. Лучше других эту черту своего «поэтического принципа» определил сам Иванов — «безошибочность цитаты» в создании своего мира. Это легко заметить в его шедевре — стихотворении «Свободен путь под Фермопилами...». Цитатность у Иванова — конструктивный признак волевой «сделанности», как, скажем, ассоциативный метафоризм у Мандельштама. Та или иная цитата вводит лирическую пьесу в пространство поэзии вообще, поэзии как вечного состояния бытия, как свидетельства подлинности мира и человека. Вот как в этой строфе:

Горы дымились, валежником тля,
И настигали их с разных сторон, —
Лунное имя твое, Лорелея,
Рейнская полночь твоих похорон.

Иван Бунин видел в «энергической картинности выражения» одно из достоинств нашего языка. В пределах и возможностях своего искусства этим замечательно владел и Георгий Иванов. Кому только в из-

гнании ностальгически не виделась, не снилась родина? Сколько написано об этом. А вот у Иванова в четырех строчках вся далекая Россия:

И особенно синяя,
(С первым боем часов...)
Безнадежная линия
Бесконечных лесов.

Вся странная и горько-любимая Россия:

И лишь на Колыме и Соловках
Россия та, что будет жить в веках.

Есть, конечно, еще и люди, «людишки», братья и сестры, но —

Тускнеющий вечерний час,
Река и частокол в тумане...
Что связывает нас? Всех нас?
Взаимное непониманье.

Неутешительно! Горестно! Но жить надо... И, может быть, исполнить давнюю «дурацкую» мечту — «составить словарь российских бездарностей с автобиографиями». Какой замысел! И жаль, что не воплощен. «Мыслящая Россия» лишилась редкой возможности трезвого самопознания, столь желанного, столь необходимого.

Поэзия была для Иванова «всем», в ней полное и абсолютное воплощение его дара. Но в высшей степени замечательными были и другие писания поэта. Он отменный переводчик французских и английских стихотворцев. Примечательна его проза — рассказы, путевые заметки, очерки «нравов и положений», историческое повествование «Книга о последнем царствовании», «попытка романа» («Третий Рим»). Она

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Смирнов. Смысл, раскаленный добела 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

ОТПЛЫТИЕ НА ОСТРОВ ЦИТЕРУ

1937

I

«О, высок, весна, высок твой синий терем...»	29
«Это месяц плывет по эфиру...»	30
«Россия счастье. Россия свет...»	31
«Только всего — простодушный напев...»	32
«Слово за словом, строка за строкой...»	33
«Музыка мне больше не нужна...»	34
«Звезды синеют. Деревья качаются...»	35
«Ни светлым именем богов...»	36
«Только звезды. Только синий воздух...»	37
«Сиянье. В двенадцать часов по ночам...»	39
«Замело тебя, счастье, снегами...»	40
«О, душа моя, могло ли быть иначе...»	41
«Так иль этак. Так иль этак...»	43
«Только темная роза качнется...»	44

«Я тебя не вспоминаю...»	45
«Над розовым морем вставала луна...»	46
«Это звон бубенцов издалека...»	47
«В шуме ветра, в детском плаче...»	48
«Душа человека. Такою...»	49
«Жизнь бессмысленную прожил...»	50

II

«Над закатами и розами...»	51
«Глядя на огонь или дремля...»	52
«Синий вечер, тихий ветер...»	53
«Душа черства. И с каждым днем черствей...»	54
«Не было измены. Только тишина...»	56
«Напрасно пролита кровь...»	57
«Перед тем как умереть...»	58
«Я слышу — история и человечество...»	59
«Теплый ветер веет с юга...»	60
«Балтийское море дымилось...»	61
«Черная кровь из открытых жил...»	62
«Как в Грецию Байрон, о, без сожаленья...»	63
«Это только синий ладан...»	64
«В сумраке счастья неверного...»	65
«Увядаьем еле тронут...»	66
«Прислушайся к дальнему пенью...»	67
«Начало небо меняться...»	68
«Когда-нибудь и где-нибудь...»	69
«Злой и грустной полоской рассвета...»	70
«Закроешь глаза на мгновенье...»	71
«Хорошо, что нет Царя...»	72
«В тринадцатом году, еще не понимая...»	73

«Россия, Россия «рабоче-крестьянская»...»	74
«Холодно бродить по свету...»	75
«По улицам рассеянно мы бродим...»	77
«Для чего, как на двери небесного рая...»	78
«Страсть? А если нет и страсти?...»	79
«Как грустно, и всё же как хочется жить...»	80
«Грустно, друг. Всё слаще, всё нежнее...»	81
«Как лед, наше бедное счастье растает...»	82
«Январский день. На берегу Невы...»	83
«Синеватое облако...»	84
«В глубине, на самом дне сознания...»	85
«Медленно и неуверенно...»	86
«От синих звезд, которым дела нет...»	87
«Даль грустна, ясна, холодна, темна...»	88
«Все розы, которые в мире цвели...»	89

III

«Где ты, Селим, и где твоя Заира...»	90
«Эоловой арфой вздыхает печаль...»	91
«Не о любви прошу, не о весне пою...»	92
«Легкий месяц блеснет над крестами забытых могил...»	93
«Оттого и томит меня шорох травы...»	96
«Глядит печаль огромными глазами...»	98
«Всё образует в жизни круг...»	99
«Уж рыбаки вернулись с ловли...»	100
«О расставаньи на мосту...»	101
«Кровь бежит по томным жилам...»	102
«Теперь я знаю — всё воображенье...»	103
«От сумрачного вдохновенья...»	104

«Холодеет осеннее солнце и листвою пожелтевшей играет...»	105
«Зеленою кровью дубов и могильной травы...»	106
«Мы скучали зимой, влюблялись весной...»	107
«Как вымысел восточного поэта...»	109
«Я не пойду искать изменчивой судьбы...»	110
«Горлица пела, а я не слушал...»	111
«Погляди, бледно-синее небо покрыто звездами...»	112
«В середине сентября погода...»	113
«Облако свернулось клубком...»	114

1943—1958. СТИХИ
ПОРТРЕТ БЕЗ СХОДСТВА

«Что-то сбудется, что-то не сбудется...»	115
«Всё неизменно и всё изменилось...»	116
1. «Друг друга отражают зеркала...»	117
2. «Игра судьбы. Игра добра и зла...»	117
«Маятника мерное качанье...»	118
«Где прошлогодний снег, скажите мне?..»	119
«Воскресают мертвецы...»	120
«Мертвый проснется в могиле...»	121
«Он спал, и Офелия снилась ему...»	122
«День превратился в свое отраженье...»	123
«Рассказать обо всех мировых дураках...»	124
«А люди? Ну на что мне люди?..»	125
«Образ полусотворенный...»	126
«В награду за мои грехи...»	127
«Холодно... В сумерках этой страны...»	128
«Тихим вечером в тихом саду...»	129
«Каждой ночью грозы...»	130
«Был замысел странно-порочен...»	131

«Потеряв даже в прошлое веру...»	132
«Отражая волны голубого света...»	133
«Ничего не вернуть. И зачем возвращать?..»	134
«На грани таянья и льда...»	135
«Отвратительнейший шум на свете...»	136
«Лунатик в пустоту глядит...»	137
«Летний вечер прозрачный и грузный...»	138
«Стоило ли этого счастье безрассудное?..»	139
«Ветер тише, дождик глуше...»	140
«По дому бродит полуночник...»	141
«Если бы жить... Только бы жить...»	142
«С бесчеловечною судьбой...»	143
«В дыму, в огне, в сияньи, в кружевах...»	144
«Восточные поэты пели...»	145
«У входа в бойни, сквозь стальной туман...»	146
«То, о чем искусство лжет...»	147
«В конце концов судьба любая...»	148

RAYON DE RAYONNE

1. «В тишине вздохнула жаба...»	150
2. «Портной обновочку утюжит...»	150
3. «Все чаще эти объявления...»	151
4. «Где-то белые медведи...»	151
5. «По улице уносит стружки...»	152
6. «Зазеваешься мечтая...»	153
7. «Снова море, снова пальмы...»	153
8. «Добровольно, до срока...»	154
9. «В пышном доме графа Зубова...»	154
10. «Как вы когда-то разборчивы были...»	155
11. «Голубизна чужого моря...»	155
12. «Вот более иль менее...»	156

13. «Что мне нравится — того я не имею...»	156
14. «На полянке поутру...»	156
15. «Художников развязная мазня...»	157

ДНЕВНИК

«Торжественно кончается весна...»	158
«Калитка закрылась со скрипом...»	159
«Эмалевый крестик в петлице...»	160
«Теперь, когда я сгнил и черви обглодали...»	161
«Смилостивилась погода...»	162
««Желтофиоль» — похоже на фиолетовую...»	163
«Этой жизни нелепость и нежность...»	164
«Мелодия становится цветком...»	165
«Полутона рябины и малины...»	166
«Солнце село, и краски погасли...»	167
«Стало тревожно-прохладно...»	168
«Так, занимаясь пустяками...»	169
«Нет в России даже дорогих могил...»	170
«Еще я нахожу очарованье...»	171
«Полу-жалость. Полу-отвращенье...»	172
«Как обидно — чудным даром...»	173
«Иду — и думаю о разном...»	174
«Свободен путь под Фермопилами...»	175
«Я хотел бы улыбнуться...»	176
«Всё на свете не беда...»	178
«Я научился понемногу...»	179
«Уплывают маленькие ялики...»	180
«Сознание, как море, не может молчать...»	181
«Стоят сады в сиянии белоснежном...»	182
«Всё туман. Бреду в тумане я...»	183
«Четверть века прошло за границей...»	184

«Эти сумерки вечерние...»	185
«Овеянный тускнеющей славой...»	186
«Голубая речка...»	187
«Луны начищенный пятак...»	188
«Звезды меркли в бледнеющем небе...»	189
«Белая лошадь бредет без упряжки...»	190
«Нечего тебе тревожиться...»	191
«Цветущих яблонь тень сквозная...»	192
«Тускнеющий вечерний час...»	193
«На границе снега и таянья...»	194
«Закат в полнеба занесен...»	195
«Я твердо решил и тут же забыл...»	196
«Насладись, пока не поздно...»	197
«Поэзия: искусственная поза...»	198
«Мне весна ничего не сказала...»	199
«Почти не видно человека среди сиянья и шелков...»	200
«Теперь тебя не уничтожат...»	201
«Ветер с Невы. Леденеющий март...»	202
«Просил. Но никто не помог...»	203
«Бредет старик на рыбный рынок...»	204
«Жизнь пришла в порядок...»	205
«Меняется прическа и костюм...»	206
«Волны шумели: «Скорее, скорее!»...»	207
«Я люблю безнадежный покой...»	208
«О нет, не обращаюсь к миру я...»	209
«Если бы я мог забыться...»	210
«Мне больше не страшно. Мне томно...»	211
«То, что было, и то, чего не было...»	212
«Чем дольше живу я, тем менее...»	213
«Всё на свете дело случая...»	214

«Здесь в лесах даже розы цветут...»	215
«Не станет ни Европы, ни Америки...»	216
«Всё на свете пропадает даром...»	217
«Листья падали, падали, падали...»	218
«Ну, мало ли что бывает?..»	219
«Всё представляю в блаженном тумане я...»	220
«Не обманывают только сны...»	221
«На юге Франции прекрасны...»	222
«А еще недавно было всё, что надо...»	223
«— Когда-нибудь, — когда устанешь ты...»	224
«Мы не молоды. Но и не стары...»	225
«Как всё бесцветно, всё безвкусно...»	226
«Ты не расслышала, а я не повторил...»	227
«Распыленный мильоном мельчайших частиц...»	228
«Вся сиянье, вся непостоянство...»	229
«Отзовись, кукушечка, яблочко, змееныш...»	230
«Может быть, умру я в Ницце...»	231
«Как туман на рассвете — чужая душа...»	232
«Поговори со мной о пустяках...»	233
«Зима идет своим порядком...»	234
«Скучно, скучно мне до одуренья!..»	235
«Накипевшая за годы...»	237
«Туман. Передо мной дорога...»	239
«Отвлеченной сложностью персидского ковра...»	240

ПОСМЕРТНЫЙ ДНЕВНИК
1958

I. «Александр Сергеевич, я о вас скучаю...»	241
II. «Кошка крадется по светлой дорожке...»	241
III. «Я жил, как будто бы в тумане...»	242

IV. «Мне уж не придется впредь...»	242
V. «В громе ваших барабанов...»	242
VI. «А может быть, еще и не конец?..»	243
VII. «Воскресенье. Удушья прилив и отлив...»	243
VIII. «Ку-ка-реку или бре-ке-ке-ке?..»	244
IX. «Аспазия, всегда Аспазия...»	244
X. «Ночь, как Сахара, как ад, горяча...»	245
XI. «Ночных часов тяжелый рой...»	245
XII. «На барабане б мне прогреметь...»	245
XIII. «Дымные пятна соседних окон...»	246
XIV. «Меня уносит океан...»	246
XV. «Зачем, как шальные, свистят соловьи...»	246
XVI. «Все розы увяли. И пальма замерзла...»	247
XVII. «В зеркале сутулый, тощий...»	247
XVIII. «Побрили Кикапу в последний раз...»	247
XIX. «Было всё — и тюрьма, и сума...»	248
XX. «Пароходы в море тонут...»	248
XXI. «В ветвях олеандровых трель соловья...»	248
XXII. «Строка за строкой. Госка. Облака...»	249
XXIII. «Из спальни уносят лампу...»	249
XXIV. «А что такое вдохновенье?..»	250
XXV. «Вас осуждать бы стал с какой же стати я...»	251
XXVI. «За столько лет такого маянья...»	251
XXVII. «До нелепости смешно...»	251
XXVIII. «Отчаянье я превратил в игру...»	252
XXIX. «Для голодных собак понедельник...»	252
XXX. «Теперь бы чуточку беспечности...»	253
XXXI. «Вечер. Может быть, последний...»	253
XXXII. «Вот елочка. А вот и белочка...»	253
XXXIII. «Если б время остановить...»	254

XXXIV. «Ликование вечной, блаженной весны...»	254
XXXV. «Бороться против неизбежности...»	255
XXXVI. «В небе нежно тают облака...»	255
XXXVII. «Во сне я думаю о разном...»	256
XXXVIII. «Поговори со мной еще немного...»	256

СТИХОТВОРЕНИЯ

II

Из книги

«ОТПЛЫТЬЕ НА О. ЦИТЕРУ»

1912

Утром	259
-----------------	-----

Из книги

«ГОРНИЦА»

1914

«Я не любим никем! Пустая осень!..»	260
«Измучен ночью ядовитой...»	261

Из цикла

«КНИЖНЫЕ УКРАШЕНИЯ»

1. Петр в Голландии	262
2. «На лейпцигской раскрашенной гравюре...»	262
4. Ваза с фруктами	263
Особняк	264
Болтовня зазывающего в балаган	264
Осенний фантом	265
Уличный подросток	266
«Черемухи цветы в спокойный пруд летят...»	267

Из книги
«ПАМЯТНИК СЛАВЫ»
1915

Из цикла «СТОЛИЦА НА НЕВЕ»

4. «Опять на площади Дворцовой...» 268

Из цикла
«ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ»

3. «Благословенные морозы...» 269
Родине 270

Из книги
«ВЕРЕСК»
1916

- «Как я люблю фламандские панно...» 271
«Пожелтевшие гравюры...» 271
«Всё в жизни мило и просто...» 272
«Беспокойно сегодня мое одиночество...» 273
«Как древняя ликующая слава...» 274
«Никакого мне не нужно рая...» 274
«Настанут холода...» 275

Из книги
«ВЕРЕСК»
1923

- «Оттепель. Похоже...» 277

Из книги
«САДЫ»
1921

- «Наконец-то повеяла мне золотая свобода...» 279
«В меланхолические вечера...» 280

«Мгновенный звон стекла, холодный плеск воды...»	280
Петергоф	281
«Нищие, слепцы и калеки...»	281
«Еще молитву повторяют губы...»	282
«Опять белила, сепия и сажа...»	283
«Моя любовь, она все та же...»	283
«Мне всё мерещится тревога и закат...»	284
Павловский офицер	285
«На западе желтели облака...»	285

Из книги
«ЛАМПАДА»
1922

«Из белого олонецкого камня...»	288
«Вновь с тобою рядом лежа...»	289
«Прощай, прощай, дорогая! Темнеют дальние горы...»	290
«Улыбка одна и та же...»	290
«Неправильный круг описала летучая мышь...»	290
«Над морем северным холодный запад гас...»	291
«Еще горячих губ прикосновенье...»	291
«Видел сон я: как будто стою...»	292
«Снег уже пожелтел и обтаял...»	293
«Пьяные мастеровые...»	293
«Чем больше дней за старыми плечами...»	294
«Она застыла в томной позе...»	295
«Когда луны неверным светом...»	295
«В широких окнах сельский вид...»	296
Павловск	297

Из книги
«РОЗЫ»
1931

«Так тихо гаснул этот день. Едва...»	299
«Не спится мне. Зажечь свечу?..»	299

Из книги
«ПОРТРЕТ БЕЗ СХОДСТВА»
1950

1. «Я не стал ни лучше и не хуже...»	301
2. «Что ж, поэтом долго ли родиться...»	301
«Шаг направо. Два налево...»	302
«Остановиться на мгновенье...»	302

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

«Люблю рассветное сиянье...»	305
Покров	306
«Вздохни, вздохни еще...»	308
«Мы из каменных глыб создаем города...»	309
«Мы живем на круглой или плоской...»	310
«Это качается сосна...»	311
«Мне грустно такими ночами...»	312
«Как осужденные, потерянные души...»	313
«Угрозы ни к чему. Слезами не помочь...»	314
«Это только бессмысленный рай...»	315
«Мир торжественный и томный...»	316
«Гаснет мир. Сияет вечер...»	317
«Я люблю эти снежные горы...»	318
«Обледенелые миры...»	319
«Час от часу. Год от году...»	320
«Она летит, весна чужая...»	321

«Синие сумерки этой страны...»	322
На взятие Берлина русскими	323
«Видишь мост. За этим мостом...»	324
«Вот дуры едут в первом классе...»	325
«Скользит машина возле сада...»	326
«Собиратели марок, эстеты...»	327
«Несколько поэтов. Достоевский...»	328
Тамаре Карсавиной	329
«Я не знал никогда ни любви, ни участия...»	330
«С пышно развевающимся флагом...»	331
«На один восхитительный миг...»	332
«Деревья, автомобили...»	333
«История. Время. Пространство...»	334
«Жизнь продолжается, рассудку вопреки...»	335
«Паспорт мой сгорел когда-то...»	337
«Истории зловещий трюм...»	338
«Слава, императорские троны...»	339
«Никому я не враг и не друг...»	340
«Построили и разорили Трою...»	341
«Повторяются дождик и снег...»	342
«И сорок лет спустя мы спорим...»	343
«О расставанье на мосту...»	344
«От сумрачного вдохновенья...»	345
«Я не хочу быть куклой восковой...»	346
Ф Р А Г М Е Н Т Ы	
«Творю из пустоты ненужные шедевры...»	347
«Я за войну, за интервенцию...»	347
«...Кругом безденежье, счета от прачки...»	347
Примечания	349